

О. И. Ревуцкий (Мозырь, Беларусь)

**РУССКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ,
ОСНОВАННЫЕ НА ПЕРСОНИФИКАЦИИ СРЕДСТВ
СЛОВЕСНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА**

Под персонификацией мы понимаем метафоричность, связанную с приписыванием предметам и понятиям, не относящимся к категории людей, человеческих свойств и признаков. В традиционном понимании этот троп именуется олицетворением.

Персонификации могут подвергаться и конкретные предметы и явления, и абстрактные понятия, в числе которых и такие, которые связаны со сферой словесно-художественного творчества: *слово, стих, строка, рифма* и т.п. Подобные метафоры могут выступать и в роли текстообразующих. Метафоричными в таких случаях являются сами тексты, что даёт основание причислять их к текстам-тропам [1, с. 72–76]. На приёмах персонификации строятся тексты Е. Винокурова, Б. Окуджавы, Л. Татьяничевой, С. Острового, В. Цыбина и др. авторов.

По своей тематике подобные тексты связаны преимущественно с проблемами поэтического творчества, поэтому их важной особенностью является особого рода парность: в качестве одного элемента пары выступает Я-субъект, а в качестве другого – словесно-художественное средство, которое подвергается персонификации. Таким образом, Я-субъект (поэт) и персонифицированное поэтическое средство становятся контекст-партнерами.

По тематике, характеру контекст-партнерства, видам развертываемости тропов в композиционной структуре текста и некоторым другим особенностям все тексты рассматриваемой серии целесообразно распределить по трем основным группам.

Специфичность первой, включающей наибольшее количество примеров, группы заключается в чётком выражении отношений контекст-партнерства, когда лирический субъект (автор) и персонифицированное поэтическое средство выступают как участники какого-либо одного вида деятельности или находятся в зависимости одного от другого, неравноправия, противоборства и т.п.

Развёртывание метафоричности в текстах этой группы часто осуществляется путём включения фрагментов фреймов или сценариев, характеризующих лиц, признаки которых приписываются объектам персонификации.

К следующей группе считаем целесообразным отнести такие тексты, в которых Я-субъект и результаты его творчества представлены как разъединенные в пространстве и времени. Персонификация в таких случаях оказывается неотделимой от метаморфозы, так как стихи представляются как бы иной формой бытия их ушедшего из жизни автора, воплощением его души.

В стихотворениях третьей из выделенных нами групп контекст-партнерство автора и предмета персонификации отсутствует, поскольку здесь не предполагается участие обоих персонажей в какой-либо совместной деятельности. Лирический субъект таких стихотворений говорит не о продуктах собственного творчества, а о словесно-художественных средствах вообще, давая их общую оценку. В связи с тем, что речь в таких текстах идет о множествах разных по своим художественным качествам

поэтических средствах, использование протяженных фрагментов фреймов и сценариев для них не характерно.

Перейдем к более подробному рассмотрению текстов первой группы, в числе которых немало таких, которые продолжают и развивают представление о поэзии, её средствах, назначении поэтического творчества, складывавшиеся в прошлом и связанные с именами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского и других поэтов. Обратимся вначале к примерам, в которых контекст-партнерство Я-субъекта и персонифицированного поэтического средства выражается в приписывании обоим чего-либо общего. Это может быть участие в какой-либо деятельности, совместное времяпровождение и т.п. Показательным в этом отношении является текст Н. Тихонова “Ломаются и хрипнут голоса...”, в котором затронута военная тематика. Лирический субъект данного текста, ветеран войны и поэт говорит о своей готовности снова встать в строй и о своих стихах как об участниках боевых действий: *Они со мной, походный мой мешок / И сапоги под кованой подошвой, / Чтобы стихам шагало хорошо / В большом пути, под самой трудной ношей.*

Роль стихов как участников военных походов сменяется их ролью как бойцов: *И стих встает к оружию, как солдат..., / Для боевой, для стиховой атаки.*

В тексте Е. Винокурова “Стихам своим служу...”, где также затронута военная тема, направленность персонификации стихов и, соответственно, отношений контекст-партнера оказываются иными. Роль стихов в данном тексте – это роль строгих командиров, для которых поэт является подчиненным, готовым выполнить любой их приказ. Развёртывание метафоричности осуществляется включением фрагмента фрейма, связанного с уставными отношениями (*Я перед ними навтыяжку стою*) и с событиями из боевой жизни (*Они меня среди ночи поднимали к столу, / Как поднимают лишь в ружьё.*)

Подобная направленность метафоричности обусловлена идеями о высоком предназначении поэта, большой требовательности к себе и готовности к самопожертвованию.

Сходным по идейной направленности с текстом Е. Винокурова является текст В. Цыбина “Глагол”, в котором глаголу приписывается роль высшего судьи поэта. В стихотворении сконцентрированы мысли о высоком назначении поэзии и ответственности поэта перед народом и перед самим собой. Персонификация глагола опирается на прецедентные тексты. В нем явно чувствуется влияние пушкинского “Пророка” и более ранних источников.

Общим для обоих текстов является то, что лирический Я-субъект находится в состоянии напряженного ожидания в преддверии духовного озарения. Второй общий момент – приход мессии: у Пушкина – это серафим, посланец Бога, а у Цыбина – глагол. Своеобразие текстов Цыбина заключается в том, что духовное возрождение поэта связывается с идеей итога его творческого пути.

Глагол в тексте выступает не только как символ правоты и справедливости, но и как высший судья. Такое понимание позволяет рассматривать употребление слова *глагол* как персонификацию.

Показательно, что божественный глагол является поэту в результате его творческих усилий. *Я, слово трудно жду, подспудно, / Такого, как сама Земля, / Чтобы ему была подсудна / Вся прожитая жизнь моя.*

Таким образом, поэт как бы сам судит себя с помощью высших сил, преодолевая сомненья: *за все давнишние сомненья / На правоту он даст права / И за него без сожаленья / Отдашь последние слова.*

Среди текстов, основанных на персонификации словесно-художественных средств, имеются и такие, в которых выражается разлад между творениями поэтов и лирическими субъектами (авторами). Таков, например, текст Л. Татьяничевой «Хотела

я от песен утаить...», в котором нежелание поэта обращаться к тяжёлым и неприятным темам привело к прекращению дружбы с песнями, которые ушли к другим авторам. Это заставило поэта больше не таить от песен ничего: *Теперь у новых песен на краю / Могу сказать чистосердечно я, / Что ничего от песен не таю: / Они и совесть, и судьба моя.*

Такого же рода конфликт показан в стихотворении Л. Мартынова «Стачка», где слова представлены как забастовщики, не желающие подчиняться своему хозяину-поэту: *Воображение бастует, / Полна словами голова, / Но сердятся и протестуют / Встревоженные слова.* Тема забастовки разворачивается в виде сценария, в котором участвуют и слова-забастовщики, и слова-штрейкбрехеры, и пикетчики. Победителями в этом конфликте становятся забастовщики, что можно расценить как победу слов, которые дались поэту нелегко, ценой большого напряжения.

Среди стихов с персонифицированными поэтическими средствами есть и такие, где они характеризуются как близкие и дорогие авторам люди. Таков текст Б. Окуджавы «Рифмы милые мои». Текст представляет собой лирический монолог, в котором рифмы описываются как долгожданные плоды упорного труда: *Рифмы милые мои, / Баловни мои, горячки, / Вы как будто соловьи / Из бессонницы, горячки.* Характеризуются рифмы и как постоянные спутники поэта (*Вы как музыка за мной*) и как существа, являющиеся предметом забот (*С вами я, как тот богач, / Куражусь и чудачу, / Но из всяких неудач / Выбираю вам удачу*).

В таком же ключе характеризуются стихи в тексте С. Острового «Моя любовь», где стихи показаны как близкие поэту люди, живущие его жизнью: *Мои стихи, ребята смуглокожие, / И вас теперь южанами зовут.* В данном тексте, как и в предшествующем стихотворении Б. Окуджавы, преобладает интимное начало, выражение удовлетворения от творческих удач.

Перейдем теперь к текстам, в которых персонификация поэтических средств связывается с пониманием последних как продолжателей дела поэта.

Таков, например, текст С. Ботвинника «Памяти Алексея Лебедева». Предметом персонификации в тексте является слово погибшего моряка и поэта, сохранившее в себе суть его поэзии и как бы воссоздающее его внешность: *От волны, что звучит тяжело / Над балтийской затопленной лодкой, / Это слово на сушу сошло / И шагает моряцкой походкой.*

Эффект персонификации слова усиливается на фоне олицетворения моря и морской стихии (*повторяет волна имена флотоводцев, поэтов, матросов*) и сближением голосов моря и поэта (*гул волны и стихия стиха – / Два прекрасные голоса моря*). Идея слова как воплощение живой души поэта на основе персонификации находит выражение и в стихотворении Б. Окуджавы «Допеты все песни и точка...». Предметом персонификации в данном тексте является строчка, которая после прекращения поэтом его деятельности продолжает свое путешествие по жизни. В строчке живет память поэта о времени начала его творчества и дорогих для него местах, куда направляется строчка в своем путешествии.

Помимо персонификации, в тексте использована метафоричность другой направленности: строчка уподобляется щепке, несомой волнами, и кораблю.

В метафорическом ключе дается и описание путешествия строчки. При этом актуализируются метафорические архетипы: жизнь – плавание, воспоминание – путешествие в прошлое. Помимо этого плавание передается как движение по улицам: *Надейся, надейся, голубка, / Свои паруса пораскинь. / Ты хрупкая, словно скорлупка, / По этим морям городским.*

В приведенных стихотворениях С. Ботвинника и Б. Окуджавы развивают издавна сложившийся в поэзии метафорический архетип «жизнь поэта продолжается в его творениях». Своеобразие обоих текстов, по сравнению с написанными на эту же тему

стихотворениями прошлого, заключается в значительно более сложной организации метафоричности, в частности, в совмещении метафор, построенных по разным моделям.

В завершение всего сказанного кратко коснемся вопроса о третьем из названных в начале статьи текстотипов, в который включаются тексты, содержащие рассуждения о разных, дифференцированных по признаку их ценности, значимости текстах. При этом даются краткие характеристики поэтических средств, четко распределяемые по полюсам: «положительное» и «отрицательное». В качестве примеров можно назвать тексты Я. Козловского «Слово» и С. Острового «Поэзия».

Оба данных текста строятся по принципу параллелизма, который выходит и на уровень композиции. С текстами данного текстотипа сближаются и такие, которые строятся по принципу оксюморона, основываются на сопоставлении и сближении противоположных понятий. Таково, например, известное стихотворение В. Брюсова «Родной язык».

Несмотря на некоторую условность предложенного в статье распределения текстового материала по трём текстотипам, оно позволяет выявить взаимосвязь между моделями персонификации, характером текстовой реализации бинарных «персонифицированное поэтическое средство – Я – субъект» и развёртываемостью тропов в композиционной структуре текстов.

Список использованных источников

1. Ревуцкий, О. И. Текстобразование и проблемы исследования тропов // Весці Бел. дзярж. пед. ун-та. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – № 2 (44). – 2005. – С. 72–76.